

Эрих
ФРОММ

Забывтый
ЯЗЫК

PHILOSOPHY

Философия – Neoclassic

Эрих Фромм
ЗАБЫТЫЙ ЯЗЫК

«АСТ»

1951

УДК 159.963
ББК 88.6

Фромм Э.

Забытый язык / Э. Фромм — «АСТ», 1951 — (Философия
– Neoclassic)

ISBN 978-5-17-101275-5

Сновидения – особая, бесплотная форма нашего бытия. Сколько раз, просыпаясь, мы пытались разгадать увиденный сон и сколько раз пытались забыть его, напуганные кошмаром. Фрейд, Юнг и множество других психоаналитиков посвящали снам серьезнейшие научные труды. Эрих Фромм, один из величайших «философов от психологии», выдвигает собственную, совершенно оригинальную теорию сновидений и методику их толкования. Согласно его теории, сновидения – это своеобразная «память предков», универсальный язык символов, сохранившийся в нашей памяти с глубокой древности, язык, единый для всех культур и народов на протяжении всей истории человечества, изучив который мы сможем глубже познать самое себя и друг друга.

УДК 159.963
ББК 88.6

ISBN 978-5-17-101275-5

© Фромм Э., 1951
© АСТ, 1951

Содержание

Предисловие	6
I	7
II	10
III	16
IV	26
Конец ознакомительного фрагмента.	32

Эрих Фромм

ЗАБЫТЫЙ ЯЗЫК

Erich Fromm

THE FORGOTTEN LANGUAGE

Печатается с разрешения The Estate of Erich Fromm and of Annis Fromm и литературного агентства Liepman AG, Literary Agency.

© Erich Fromm, 1951

© Перевод. А. Александрова, 2017

© Издание на русском языке AST Publishers, 2017

Исключительные права на публикацию книги на русском языке принадлежат издательству AST Publishers.

Любое использование материала данной книги, полностью или частично, без разрешения правообладателя запрещается.

Неразгаданный сон подобен нераспечатанному письму.

Талмуд

Сон снимает одежды обстоятельств, вооружает нас пугающей свободой, и всякое желание спешит обернуться действием. Опытный человек читает свои сны, чтобы познать себя; возможно, он понимает их и не до конца, но улавливает суть.

Эмерсон

Предисловие

Эта книга основана на лекциях, которые я прочел как вводный курс для студентов и аспирантов Института психиатрии Уильяма А. Уайта и колледжа Беннингтона. Книга адресована изучающим психиатрию и психологию и всем, интересующимся этими предметами. Как показывает подзаголовок, эта книга является введением в науку понимания символического языка и по этой причине не касается многих более сложных проблем данной области, обсуждение которых не соответствовало бы целям введения. Таким образом, например, теорию Фрейда я обсуждаю только на уровне его «Толкования сновидений», а не в свете более трудных концепций, которые он развивал в своих поздних работах; не пытаюсь я обсуждать и те аспекты символического языка, которые, хотя и необходимы для полного понимания рассматриваемых проблем, предполагают более общую информацию, чем содержащаяся на этих страницах. Этих проблем я планирую коснуться позднее, во втором томе. Термин «понимание» сновидений и т. д. был намеренно выбран вместо более общепринятого «интерпретация». Если, как я постараюсь показать на следующих страницах, символический язык является самостоятельным языком – в действительности единственным универсальным языком, который когда-либо создавала человеческая раса, – то проблема понимания не сводится к интерпретации, как если бы это был искусственно разработанный секретный код. Я полагаю, что такое понимание важно для любого человека, желающего понимать самого себя, а не только для психотерапевта, намеревающегося лечить психические отклонения; поэтому я считаю, что символический язык следовало бы преподавать в школах и колледжах точно так же, как другие «иностранные языки». Одна из целей этой книги – внести вклад в реализацию данной идеи.

Я признателен д-ру Эдварду С. Тауберу, прочитавшему рукопись, за полезные критiku и предложения.

Я хочу поблагодарить д-ра Рут Аншен, издателя книги «Семья, ее роль и функции», и издательство Harper Brothers за разрешение использовать в настоящей книге мою статью «Миф об Эдипе и эдипов комплекс».

Кроме того, благодарю издателей, любезно позволивших воспользоваться отрывками из следующих публикаций: «Государство» Платона в переводе Б. Джоэтта, «Эдип в Колоне» и «Антигона» Софокла в переводе Р.К. Джебба, «Основные работы Зигмунда Фрейда» в переводе и под редакцией А.А. Брилла, «Мир сновидений» Р.Л. Вуда (Random House, N.Y.); «Толкование сновидений» Зигмунда Фрейда (Allen & Unwin, London); «Summa Theologica» Фомы Аквинского в переводе Отцов английской доминиканской митрополии (Burns, Oates & Washbourne, Ltd., London, and Benziger Brothers, N.Y.); «Сны духовидца» Канта в переводе Э.Ф. Горвитца (The Macmillan Company, N.Y.); «Лекции и биографические наброски» Ральфа Уолдо Эмерсона (Houghton Mifflin Company, Boston); «Федон» Платона в переводе Б. Джоэтта (Classics Club, W.J. Black, N.Y.); «Труды Аристотеля» в переводе и под редакцией У.Д. Росса (Oxford Clarendon Press); «О природе вещей» Лукреция в переводе У. Х. Д. Роуза (Harvard University Press, Cambridge); «Психология и религия» К.Г. Юнга (Yale University Press, New Haven); «Сновидения» Генри Бергсона в переводе Э.Э. Слоссона (B.W. Huebsch); «Процесс» Франца Кафки в переводе Э.И. Муира (Alfred A. Knopf, N.Y.).

Эрих Фромм, 1951 г.

I

Введение

Если верно, что способность удивляться есть начало мудрости, то эта истина – печальная оценка мудрости современного человека. Каковы бы ни были высокие достоинства нашего литературного и общего образования, мы утратили дар удивления. Считается, что все известно – если не нам самим, то какому-нибудь специалисту, обязанность которого знать то, что неизвестно нам. Действительно, проявление удивления смущает – это признак интеллектуальной неполноценности. Даже дети редко удивляются или по крайней мере стараются удивления не показывать; по мере того как мы взрослеем, мы постепенно теряем способность удивляться. Самым важным кажется получить правильные ответы; задавать правильные вопросы по сравнению с этим несущественно.

Такая установка, возможно, является причиной того, что один из самых загадочных феноменов в нашей жизни – сновидения – вызывают так мало удивления и вопросов. Все мы видим сны; своих снов мы не понимаем, но тем не менее действуем так, как будто в нашем спящем разуме нет ничего странного – странного по крайней мере по сравнению с логичными и целенаправленными действиями нашего ума, когда мы бодрствуем, – не происходит. Когда мы бодрствуем, мы активные, рациональные существа, стремящиеся получить то, чего мы хотим, и защититься от нападения. Мы действуем и мы наблюдаем, мы видим вещи вне нас, может быть, не такими, каковы они на самом деле, но по крайней мере так, что мы можем их использовать и манипулировать ими. Однако мы не особенно наделены воображением и редко – если мы не дети и не поэты – наше воображение выходит за пределы тех историй и сюжетов, которые являются частью нашего повседневного существования. Мы успешны, но довольно скучны. Мы называем то, что ежедневно наблюдаем, «реальностью» и гордимся своим «реализмом» и тем, как умело им манипулируем. Когда же мы спим, мы оказываемся в другой форме существования. Мы видим сны. Мы изобретаем события, которые никогда не случались, и иногда такие, которые не имеют никаких прецедентов в действительности. Иногда мы бываем героями, иногда злодеями, иногда видим прекрасные сцены и бываем счастливы, а иногда впадаем в ужас. Однако какую бы роль мы ни играли во сне, мы – его авторы, это наш сон, мы создали его сюжет. Большинство наших сновидений имеют одну общую характеристику: они не следуют законам логики, которые управляют нашими мыслями в бодрствующем состоянии. Категории пространства и времени не имеют значения. Умерших мы видим живыми; события, которые мы наблюдаем как имеющие место в настоящем, случились много лет назад. Нам снятся два одновременно происходящих события, когда в действительности произойти одновременно они не могли бы. Столь же мало внимания мы обращаем на законы пространства. Мы запросто перемещаемся в какое-то удаленное место в мгновение ока, оказываемся в двух местах одновременно, смешиваем двух разных людей в одного или наблюдаем, как неожиданно один человек превратился в другого. Действительно, в своих снах мы создатели мира, в котором время и пространство, ограничивающие действия нашего тела, не имеют силы. Другая странность сновидений заключается в том, что во сне мы думаем о событиях и людях, о которых не думали многие годы и кого в бодрствующем состоянии никогда не вспомнили бы. Во сне они неожиданно оказываются знакомцами, о которых мы много раз думали. В спящем состоянии мы получаем доступ огромным источникам опыта и памяти, о существовании которых в дневное время не подозреваем. Однако, несмотря на все эти странности, наши сны, пока мы их видим, для нас реальны так же, как любые события, происходящие во время бодрствования. В сновидении не бывает «как будто». Сон – это настолько настоящее, реальное переживание, что возни-

кают два вопроса: что есть реальность? Откуда мы знаем, что снящееся нам нереально, а то, что мы испытываем наяву, реально? Это точно выразил китайский поэт: «Прошлой ночью мне снилось, что я – бабочка, и теперь я не знаю, человек ли я, которому приснилось, что он бабочка, или бабочка, которой снится, что она – человек». Все эти волнующие, яркие события ночи не только исчезают, когда мы просыпаемся, но мы испытываем огромные трудности, пытаясь вызвать их в памяти. Большинство снов мы просто забываем настолько, что даже не можем вспомнить о том, что жили в этом другом мире. Что-то мы смутно помним в момент пробуждения, но уже в следующую секунду ничего не можем вспомнить. Некоторые сновидения мы запоминаем, и именно их имеем в виду, когда говорим: «Мне был сон». Бывает похоже на то, что какие-то духи – то ли дружественные, то ли враждебные – посетили нас, а с приходом дня неожиданно исчезли; мы едва помним, что они приходили, как и то, насколько полностью мы были ими захвачены.

Возможно, самым загадочным из всех перечисленных факторов является сходство продукта нашего творчества во сне со старейшими созданиями человека – мифами. На самом деле мифы не так уж нас озадачивают. Если они становятся уважаемой частью нашей религии, они получают наше признание, хотя и поверхностное, как часть уважаемой традиции; если они не обладают таким традиционным авторитетом, мы воспринимаем их как выражение незрелого мышления человека, еще не просвещенного наукой. В любом случае – игнорируем мы их, презираем или уважаем – мифы воспринимаются как нечто, совершенно чуждое нашему собственному мышлению. Тем не менее факт остается фактом: многие наши сновидения и по стилю, и по содержанию похожи на мифы, и мы, находя их странными и далекими от жизни, когда мы бодрствуем, обладаем способностью создавать эти подобные мифам творения во сне.

В мифе тоже происходят драматические события, невозможные в мире, где правят законы времени и пространства: герой покидает свой дом и свою родину, чтобы спасти мир, или бежит от своей миссии и живет в животе огромной рыбы, умирает и возрождается; сказочная птица сгорает и восстает из пепла еще прекраснее, чем была.

Конечно, разные народы создавали разные мифы точно так же, как разные люди видят разные сны. Однако, несмотря на все эти различия, все мифы и все сны имеют одну общую черту: все они «написаны» на одном и том же языке – языке символическом.

Мифы вавилонян, индийцев, египтян, евреев, греков написаны на том же языке, что и мифы ашанти или трук. Сны человека, сегодня живущего в Нью-Йорке или в Париже, такие же, как сны, о которых сообщали люди, жившие тысячи лет назад в Афинах или Иерусалиме.

Сновидения древнего и современного человека написаны на одинаковом языке с мифами, авторы которых жили на заре истории. Символический язык – это язык, на котором внутренние события, чувства и мысли выражаются так, словно они – чувственный опыт, события внешнего мира. Это язык, имеющий логику, отличную от привычной, которой мы пользуемся в дневное время, логику, в которой правят не время и пространство, а интенсивность и ассоциации. Это единственный универсальный язык, когда-либо созданный человеческой расой, один и тот же для всех культур на протяжении истории. Это язык с собственной грамматикой и синтаксисом, язык, который нужно понимать, если хочешь понять значение мифов, сказок и сновидений.

Однако современным человеком этот язык забыт – не когда он спит, а когда бодрствует. Важно ли понимать этот язык в бодрствующем состоянии? У людей прошлого, принадлежавших к великим культурам как Востока, так и Запада, этот вопрос не вызывал сомнений. Для них мифы и сновидения были самыми важными порождениями разума, и неспособность понимать их приравнивалась к неграмотности. Только в последние несколько столетий в западной культуре эта установка изменилась. В лучшем случае мифы стали считаться наивными плодами донаучного мышления, созданными задолго до того, как человек совер-

шил великие открытия относительно природы и узнал некоторые секреты того, как над нею властвовать.

Снам пришлось еще хуже. На современный просвещенный взгляд, они просто бессмысленны, недостойны внимания взрослого человека, занятого таким важным делом, как создание машин, считающего себя «реалистом», потому что он не видит ничего, кроме реальности вещей, которыми можно повелевать и манипулировать. У такого реалиста есть специальное название для каждой марки автомобиля, но только одно – для понятия «любовь», которым выражаются самые разные виды привязанности.

Более того, если бы все наши сны были приятными фантазмагориями, в которых сбывались бы сокровенные желания наших сердец, мы могли бы относиться к ним более благосклонно. Однако многие сновидения вызывают беспокойство, часто оказываются кошмарами, и, просыпаясь, мы с благодарностью отмечаем, что это нам только снилось. Другие сны, хотя и не являются кошмарами, смущают нас по другим причинам. Они не соответствуют той личности, которой мы считаем себя в дневное время. Нам снится, что мы ненавидим людей, которые нам нравятся, или что любим тех, кем, как мы считаем, мы не интересуемся. Нам снится, что мы амбициозны, хотя мы уверены в своей скромности, во сне мы послушны и покорны, когда так гордимся своей независимостью. Однако хуже всего тот факт, что мы не понимаем своих снов, хотя во время бодрствования уверены, что способны понять все, о чем думаем. Мы предпочитаем обвинить сновидения в бессмысленности, чем столкнуться с таким исчерпывающим доказательством ограниченности нашего понимания.

Полная перемена отношения к мифам и сновидениям произошла в последние десятилетия. В значительной мере это было связано с работами Фрейда. Начав с ограниченной цели – помочь страдающему неврозом понять причины своей болезни, Фрейд перешел к изучению сновидений как универсального феномена, одинаково присущего и больным, и здоровым людям. Он обнаружил, что сны по сути не отличаются от мифов и сказок и что понять язык одних – значит понять и язык других.

Антропологи сосредоточили на мифах большее внимание. Мифы стали собирать и изучать, и некоторые первопроходцы в этой области, такие как И.Я. Бахофен, сумели пролить новый свет на предысторию человечества.

Однако изучение мифов и сновидений еще только начато. Оно страдает от различного рода ограничений. Одним из них является определенный догматизм и негибкость, ставшие результатом претензий различных психоаналитических школ: каждая из них настаивает на том, что она единственная обладает истинным пониманием символического языка. Так мы теряем многогранность символического языка и пытаемся уложить его на прокрустово ложе одного и только одного возможного значения.

Другим ограничением служит представление о том, что только психиатр при лечении страдающих неврозами имеет законное право на интерпретацию сновидений. Я, напротив, полагаю, что символический язык – тот иностранный язык, который все мы должны изучать. Понимание его позволяет соприкоснуться с одним из самых значимых источников мудрости, мудрости мифа, и проникнуть в более глубокие слои нашей собственной личности. На самом деле это помогает попасть на уровень специфически человеческого опыта, потому что такой уровень является общим для всего человечества как по содержанию, так и по форме.

В Талмуде говорится: «Неразгаданный сон подобен нераспечатанному письму». Действительно, и сны, и мифы – важные послания от нас нам самим. Если мы не понимаем языка, на котором они написаны, мы теряем огромную часть того, что знаем и говорим себе в те часы, когда не заняты манипулированием внешним миром.

II

Природа символического языка

Предположим, вы хотите объяснить кому-то разницу во вкусе белого и красного вина. Это может представляться вам совсем простым делом. Вы очень хорошо знаете эту разницу, так почему бы вам с легкостью не объяснить ее кому-то другому? Однако вы встретитесь с огромной трудностью, пытаясь выразить словами разницу во вкусе. Возможно, вы в конце концов скажете: «Послушайте, я не могу вам это объяснить. Просто выпейте красного вина, а потом белого, и вы узнаете, в чем разница». Вы с легкостью объясните устройство самой сложной машины, и все же слова окажутся бессильны описать простое вкусовое ощущение.

Не сталкиваемся ли мы с такой трудностью каждый раз, когда пытаемся описать чувственный опыт? Представьте себе, что вы ощущаете себя потерянным, брошенным, мир кажется вам серым, немного пугающим, хотя на самом деле не опасным. Вы хотите описать свое настроение другу, но обнаруживаете, что подыскиваете слова и в конце концов чувствуете: ничто из сказанного вами не передает адекватно многих оттенков вашего настроения. На следующую ночь вам снится сон. Вы видите себя перед рассветом на окраине города, улицы пусты, за исключением фургона молочника, дома выглядят убогими, окружение вам незнакомо; здесь нет привычных средств передвижения, чтобы попасть в знакомые места, где, как вы чувствуете, вам место. Когда вы просыпаетесь и вспоминаете сон, вы понимаете, что чувство, испытанное вами во сне, в точности такое же ощущение одиночества и уныния, которое вы пытались накануне описать другу. Это всего одна картина, которая предстала перед вами меньше чем на секунду, и все же она – более живое и точное описание, чем вы могли бы дать, долго говоря о ней. Картина, которую вы увидели во сне, есть *символ* того, что вы чувствовали.

Что такое символ? Часто символ определяют как «нечто, обозначающее что-то другое». Такое определение несколько разочаровывает, но делается более интересным, если мы рассмотрим те символы, которые являются сенсорными выражениями увиденного, услышанного, обоняемого, чувствуемого на ощупь – обозначают «что-то другое», представляющее собой внутренний опыт, чувство или мысль. Символ такого рода есть нечто внешнее, символизирующее что-то внутри нас. Символический язык – это язык, с помощью которого мы выражаем внутренний опыт, как если бы он был сенсорным ощущением, как если бы это было нечто, что мы делаем или что делают с нами в мире предметов. Язык символов – это язык, в котором внешний мир становится символом мира внутреннего, символом наших душ и умов.

Если мы определяем символ как «нечто, обозначающее что-то другое», главным вопросом становится следующий: *какова специфическая связь между символом и тем, что он символизирует?*

Отвечая на этот вопрос, мы можем различить три вида символов: условные, случайные и универсальные. Как вскоре станет ясно, только два последних выражают внутренний опыт, как если бы он был чувственным ощущением, и только они содержат элементы символического языка.

Из трех видов символов лучше всего известен *условный*, поскольку мы пользуемся им в повседневной жизни. Если мы видим или слышим слово «стол», буквы С-Т-О-Л не обозначают что-то другое. Они обозначают предмет «стол», который мы видим, трогаем и используем. Какова связь между *словом* «стол» и *предметом* «стол»? Есть ли между ними какая-то внутренняя связь? Предмет «стол» не имеет никакого отношения к звуку слова «стол», и единственная причина того, что слово символизирует предмет, есть условность: данный

конкретный предмет обозначают этим конкретным названием. Такую связь мы узнаем в детстве благодаря повторяющемуся опыту: слышим слово применительно к предмету, пока не сформируется длительная ассоциация, в результате которой нам не нужно задумываться, чтобы найти правильное слово.

Существуют, впрочем, некоторые слова, в отношении которых связь имеет не только условный характер. Когда мы говорим «фу», например, мы делаем движение губами, быстро выдыхая воздух. Это выражение отвращения, в котором участвуют губы. Быстрым выдыханием воздуха мы имитируем и таким образом выражаем намерение избавиться от чего-то, выбросить из себя. В этом случае, как и в некоторых других, символ имеет внутреннюю связь с чувством, которое он символизирует. Но даже если мы предположим, что изначально многие или даже все слова возникли по причине какой-то внутренней связи между символом и тем, что он символизирует, большинство слов теперь уже не имеют такого значения, когда мы учимся языку.

Слова – не единственная иллюстрация условных символов, хотя они наиболее распространены и лучше всего известны. Изображения тоже могут быть условными символами. Флаг, например, может принадлежать определенной стране, хотя никакой связи между страной и конкретными цветами нет. Они были приняты для обозначения этой страны, и мы переводим визуальное впечатление от флага в концепцию страны – опять же условно. Некоторые символы-изображения являются не вполне условными, как, например, крест. Крест может быть просто условным символом христианской церкви и в этом отношении ничем не отличается от флага, но в специфическом контексте обстоятельств смерти Иисуса или при интерпретации физического и духовного планов связь между символом и тем, что он символизирует, выходит за пределы всего лишь условности.

Прямо противоположен условному символу символ *случайный*, хотя у них есть и общее: внутренней связи между символом и тем, что он символизирует, нет. Предположим, что с человеком случилось неприятное происшествие в каком-то городе; когда он слышит название этого города, он легко свяжет его с грустным настроением, так же как мог бы связать с радостным настроением, будь происшествие приятным. Очевидно, что в природе города нет ничего печального или радостного. Именно личный опыт, связанный с городом, делает его символом настроения.

Та же реакция может возникнуть в отношении дома, улицы, конкретного платья, определенного пейзажа или любого предмета, который однажды был связан со специфическим настроением. Мы могли бы увидеть сон о том, что находимся в некоем городе. На деле никакого особого настроения с этим сновидением могло бы и не быть связано: все, что мы видели, – улица или даже просто название города. Мы спрашиваем себя, почему во сне нам случилось подумать об этом городе, и можем обнаружить, что мы уснули в настроении, схожим с тем, которое город символизирует. Картина, увиденная в сновидении, представляет его, а город обозначает настроение, когда-то в нем испытанное. Здесь связь между символом и пережитым опытом совершенно случайна.

В отличие от условного, случайный символ не может оказаться общим у нас с кем-то еще, если только мы не пересказываем события, с символом связанные. По этой причине случайные символы редко используются в мифах, сказках или трудах, написанных символическим языком, потому что они не передаются другим языком, если только автор не добавляет пространственный комментарий к каждому используемому символу. В снах, однако, случайные символы встречаются часто, и позднее в этой книге я объясню, как их понимать.

Универсальный символ – это такой, в котором существует внутренняя связь между символом и тем, что он олицетворяет.

Мы уже приводили один пример – городских окраин. Сенсорное ощущение безлюдного, незнакомого, бедного окружения, безусловно, имеет значимую связь с тревожным

настроением, чувством одиночества. Конечно, если мы никогда не бывали на окраинах города, мы не могли бы использовать этот образ как символ, так же как слово «стол» было бы для нас бессмысленным, если мы никогда не видели стола. Символ города понятен только для горожан и был бы бессмысленным для представителей культуры, не имеющей крупных городов. Впрочем, многие другие универсальные символы коренятся в опыте любого человеческого существа. Возьмем, например, символ огня. Нас завораживают некоторые свойства огня в очаге – в первую очередь его живость. Он постоянно меняется, движется и все же обладает постоянством. Огонь все время меняется, оставаясь при этом тем же. Огонь оставляет впечатление силы, энергии, грации и легкости. Кажется, что он танцует, обладая неистощимым источником энергии. Когда мы используем огонь как символ, мы описываем внутреннее ощущение, характеризующееся теми же элементами, которые замечаем при чувственном восприятии огня: настроение энергичности, легкости, подвижности, грациозности, радости; иногда преобладает один, иногда – другой из этих элементов.

Сходным в одних отношениях и непохожим в других является символ воды – океана или потока. Здесь тоже обнаруживается сплетение изменчивости и постоянства, вечного движения и неизменности. Мы также обнаруживаем качества живости, непрерывности и энергичности. Однако есть и различия: там, где огонь полон духа приключения, скорости, возбуждения, вода спокойна, медленна и устойчива. Огонь содержит элемент неожиданности, вода – предсказуемости. Вода символизирует живое настроение, но более «тяжелое», «медленное» и скорее утешительное, чем возбуждающее.

То, что феномен физического мира может быть адекватным выражением внутреннего опыта, что мир вещей может быть символом мира мыслей, неудивительно. Мы все знаем, что наше тело выражает наш разум. Кровь кидается в голову, когда мы в ярости, отливает, когда мы боимся, сердца бьются быстрее, когда мы сердимся; тонус тела, когда мы счастливы, отличается от него, когда мы печальны. Мы показываем свои настроения выражением лица, а свое отношение и чувства – движениями и жестами настолько точно, что окружающие судят о них правильнее, чем по нашим словам. Воистину тело – символ разума, и это не аллегория. Глубокое искреннее чувство и даже любая важная мысль выражаются всем нашим организмом. В случае универсального символа мы обнаруживаем такую же связь между психическим и физическим опытом. Определенные физические феномены по самой своей природе наводят на мысль о некоторых эмоциональных и психических переживаниях, и мы выражаем чувственный опыт на языке физических явлений, т. е. символически.

Универсальный символ – единственный, в котором связь между символом и тем, что он символизирует, не случайна, а содержательна. Ее основанием служит ощущение близости между эмоцией или мыслью, с одной стороны, и чувственным опытом – с другой. Такой символ может быть назван универсальным потому, что он воспринимается однозначно всеми людьми в противоположность не только случайному, который по самой своей природе носит исключительно личный характер, но и условному, восприятие которого ограничено группой людей, разделяющих одну и ту же условность. Универсальный символ коренится в свойствах нашего тела, наших чувств, нашего разума, которые являются общими для всех людей и, таким образом, не ограничены принадлежностью отдельному индивиду или группе людей. Действительно, язык, на котором говорит универсальный символ, – общее наречие, созданное человеческой расой, которое было забыто прежде, чем успело развиваться в универсальный общепринятый язык.

Нет нужды говорить о расовом наследии, чтобы объяснить универсальный характер символов. Каждое человеческое существо, разделяющее с остальным родом человеческим основные качества ума и тела, способно говорить на символическом языке, основанном на этих общих свойствах, и понимать его. Точно так же нам не нужно учиться плакать, когда нам грустно, или краснеть, когда мы сердимся, – эти реакции свойственны не только какой-

то части человечества. Свидетельства этого могут быть найдены в том факте, что символический язык в том виде, в каком он используется в мифах и сновидениях, может быть обнаружен и в так называемых примитивных, и в высокоразвитых культурах Египта и Греции. Более того, символы, используемые представителями этих различных культур, поразительно сходны, поскольку все они уходят корнями в древность, в базовый чувственный и эмоциональный опыт, разделяемый людьми всех культур. Дополнительные свидетельства этого дают недавние эксперименты, в которых люди, не имеющие познаний в теории интерпретации сновидений, были способны под действием гипноза с легкостью понимать символизм своих снов. После выхода из гипнотического состояния, когда их просили истолковать те же сны, они удивленно говорили: «Ну, в них нет никакого смысла – это просто ерунда».

Впрочем, сказанное нуждается в уточнении. Значение некоторых символов меняется применительно к реальным обстоятельствам различных культур. Например, функция и соответственно значение солнца в северных и в тропических странах различаются. В северных странах, где воды много, вся растительность зависит от интенсивности солнечного сияния. Солнце – это тепло, оберегающая и любящая сила, оно дарит жизнь. На Ближнем Востоке, где солнечный жар гораздо сильнее, солнце – опасная, даже угрожающая сила, от которой человек должен защищаться, в то время как вода воспринимается как источник всей жизни и главное условие произрастания растений. Мы можем говорить о диалектах универсального символического языка, определяющихся теми различиями в природных условиях, которые заставляют некоторые символы иметь разное значение в разных регионах земли.

Совершенно иначе, в отличии от этих «символических диалектов», следует понимать тот факт, что многие символы имеют не единственное значение в соответствии с разными видами опыта, связанного с одним и тем же природным феноменом. Давайте снова рассмотрим символ «огонь». Если мы смотрим на огонь в очаге, являющийся источником удовольствия и комфорта, ему соответствует ощущение радости жизни, тепла, уюта. Однако если мы видим горящий дом или лесной пожар, это зрелище вызывает чувство угрозы, ужаса, бессилия человека перед природной стихией. Огонь, таким образом, может быть символическим олицетворением жизнерадостности и счастья, но и страха, бессилия или собственных деструктивных тенденций человека. То же верно и для символа «вода». Вода может быть страшной разрушительной силой в шторм или когда река выходит из берегов. Следовательно, вода может быть символическим выражением как ужаса и хаоса, так и комфорта и покоя.

Другой иллюстрацией этого принципа является символ «долина». Лежащая между горами долина может вызвать у нас чувство безопасности и комфорта, защищенности от всех опасностей окружающего мира. Однако защищающие долину горы могут означать и изоляцию, не позволяя нам выбраться из долины; тем самым она делается символом заточения. Конкретное значение символа в каждом данном месте может быть определено только из всего контекста, в котором он появляется, и в терминах преобладающего опыта индивида, употребляющего символ. Мы вернемся к этому вопросу при обсуждении символизма сновидений.

Хорошей иллюстрацией функции универсального символа служит сюжет, записанный на символическом языке, известный почти каждому представителю западной культуры: Книга Ионы. Иона услышал голос Бога, повелевший ему отправиться в Ниневию и проповедовать ее жителям отказ от греховной жизни: иначе они будут уничтожены. Иона не может не слышать голос Бога: ведь он пророк. Однако он не хочет быть пророком, и зная, что ему следует делать, пытается уклониться от выполнения приказа Бога (или, могли бы мы сказать,

голоса собственной совести). Ему безразличны другие люди. Он почитает закон и порядок, но лишен любви¹.

Как эта история выражает внутренние процессы в душе Ионы? Нам сообщается, что Иона отправился в Иоппию и нашел корабль, который доставил бы его в Фарсис. В открытом море поднялся шторм, и пока все остальные ужасались и стенали, Иона спустился в трюм и впал в глубокий сон. Матросы, решив, что Бог, должно быть, послал бурю, потому что кого-то на корабле следует наказать, разбудили Иону, и тот признался, что он пытался уклониться от выполнения веления Бога. Он предлагает матросам схватить его и бросить за борт: море тогда успокоится. Матросы (проявив замечательное человеколюбие, пробуют сделать для спасения все что могут, прежде чем последовать его совету) в конце концов хватают Иону и бросают в море, которое немедленно успокаивается. Иону проглатывает кит, и Иона остается в его чреве три дня и три ночи. Он молит Бога освободить его из этой темницы. Бог заставляет кита извергнуть Иону на сушу, и Иона отправляется в Ниневию, выполняет веление Бога и тем самым спасает жителей города.

История рассказана так, как будто события действительно произошли. Однако она написана на символическом языке, и все описанные реалистические события есть символы внутреннего опыта героя. Мы обнаруживаем последовательность идущих один за другим символов: Иона садится на корабль, прячется в трюме, впадает в сон, оказывается в открытом море, попадает в чрево кита. Все эти символы обозначают внутренний опыт: состояние защищенности и изоляции, благополучное избавление от общения с другими людьми; то же могло бы быть выражено другим символом: младенец во чреве матери. Как ни различны и ни реалистичны трюм, глубокий сон, океан, чрево кита, они олицетворяют одно и то же внутреннее ощущение: смесь защищенности и уединения.

События происходят в очевидной последовательности в пространстве и времени: *сначала* Иона садится на корабль, *затем* спускается в трюм, *затем* засыпает, *затем* его бросают в море, *затем* его глотает кит. Одно событие следует за другим, и, хотя некоторые из них явно нереалистичны, история обладает собственной логикой в терминах пространства и времени. Однако, если мы поймем, что автор намеревался рассказать нам не о последовательности внешних событий, а о внутренних переживаниях человека, который разрывается между укорами совести и стремлением заглушить внутренний голос, становится ясно, что его разные действия, следующие одно за другим, выражают одно и то же его настроение и что *временная последовательность* показывает *растущую интенсивность чувства*. В попытке избежать своих обязанностей перед ближними Иона все больше себя изолирует — до тех пор, пока в чреве кита защитный элемент настолько уступает страху перед темницей, что Иона больше не может терпеть и вынужден молить Бога об освобождении из узилища, в которое он сам себя заточил. (Это тот самый механизм, который так характерен для невроза. Установка принимается как защита от опасности, но затем она выходит далеко за пределы своей изначальной защитной функции и превращается в невротический симптом, от которого человек пытается избавиться.) Так бегство Ионы в защитную изоляцию кончается ужасом перед заточением, и он возвращается в ту точку, откуда началось его бегство.

Существует еще одно различие между логикой явного изложения и логикой скрытой истории. В первом случае имеет место причинно-следственная связь между внешними событиями. Иона стремится уплыть за море, *потому что* желает бежать от Бога; засыпает, *потому что* устал; его кидают за борт, *потому что* считают причиной бури, и его проглатывает кит, *потому что* в море плавают киты-людоеды. Одно событие происходит потому, что произошло предыдущее. (Заключительная часть истории нереалистична, но не лишена

¹ См. обсуждение истории Ионы в книге Э. Фромма «Человек для себя», где вопрос рассматривается с точки зрения любви.

логики.) Однако в скрытой истории логика иная. Различные происшествия связаны друг с другом в силу своей ассоциации с одним и тем же внутренним переживанием. Что представляется случайной последовательностью внешних событий, олицетворяет связь ощущений, соединенных друг с другом по ассоциации в терминах внутреннего опыта. Это так же логично, как и сюжет явного изложения – однако логика тут другого сорта. Если теперь мы обратимся к исследованию природы сновидений, логика, управляющая символическим языком, станет более прозрачной.

III

Природа сновидений

Взгляды на сновидения сильно различались на протяжении столетий и в разных культурах. Однако верит ли человек, что это – реальный опыт нашей бестелесной души, покинувшей тело во время сна, считает ли, что сновидения посылаются Богом или злыми духами, видит ли в них отражение наших иррациональных страстей или, напротив, высочайших моральных сил, одна идея остается неизменной: сновидения полны значения и важны. Полны значения, потому что содержат послание, которое может быть понято, если иметь ключ для разгадки; важны, потому что нам не снится что-то пустячное, даже если язык послания скрывает его значимость за фасадом безделицы.

Только в последние столетия этот взгляд стал радикально меняться. Интерпретация сновидений была ранее приравнена к суевериям, и просвещенный, образованный человек, простой обыватель или ученый, стал считать, что сны бессмысленны и являются незначительными порождениями рассудка, в лучшем случае – психическим отражением телесных ощущений, испытываемых во сне.

Только Фрейд в начале XX столетия подтвердил древнюю концепцию: сны полны значения и важны; нам не снится ничего, что не было бы значимым отражением нашей внутренней жизни; все сновидения могут быть поняты при наличии ключа. Интерпретация сновидений – *via regia*², главная дорога к пониманию бессознательного и тем самым к самой сильной мотивирующей силе как патологического, так и нормального поведения. Помимо этих общих заключений о природе сновидений, Фрейд выразительно и непреклонно защищал одну из самых старых теорий: сон – исполнение иррациональных страстей, подавленных во время бодрствования.

Вместо представления взглядов Фрейда и старых теорий в данный момент я вернусь к ним в одной из следующих глав, а сейчас буду обсуждать сновидения – так, как я стал понимать их с помощью Фрейда и в результате собственного опыта человека, который видит и толкует сны.

Принимая во внимание тот факт, что не бывает выражения психической деятельности, которое не проявилось бы во сне, я полагаю, что единственным описанием природы сновидений, которое не искажало бы и не сужало феномен, является следующее: *сновидение есть полное значения и важное выражение любой психической деятельности в условиях сна.*

Несомненно, такое определение является слишком широким, чтобы оказать большую помощь в понимании природы снов, если только не определить более точно того, что мы понимаем под «в условиях сна» и под особым воздействием этого состояния на психическую деятельность. Если мы сможем выяснить это, возможно, удастся многое узнать о природе сновидений.

Физиологически сон – это состояние химической регенерации организма; энергия восстанавливается, пока никаких действий не совершается, и даже чувственное восприятие почти полностью отключено. Психологически сон приостанавливает основные функции, характеризующие состояние бодрствования: реагирование на реальность восприятия и действия. Это различие биологических функций во время сна и бодрствования на самом деле является различием двух состояний существования.

Чтобы оценить влияние существования во сне на наши психические процессы, нужно сначала рассмотреть более общую проблему – взаимозависимость деятельности, которой

² Царская дорога (лат.)

мы заняты, и мыслительного процесса. То, как мы мыслим, в значительной мере определяется тем, что мы делаем и в достижении чего заинтересованы. Это не значит, что мышление искажается нашим интересом; просто оно меняется соответственно деятельности.

Что собой представляет, например, отношение разных людей к лесу? Художник, пришедший в лес, чтобы его нарисовать; владелец, желающий оценить деловые перспективы; офицер, решающий тактическую проблему защиты территории; турист, наслаждающийся прогулкой, – у каждого из них совершенно отличная от других концепция леса, потому что для каждого из них важен иной его аспект. Восприятие художника будет касаться формы и цвета, бизнесмена – размера, числа и возраста деревьев, офицера – обзора и возможностей обороны, туриста – маршрута и наличия троп. Хотя все они могут согласиться с абстрактным утверждением о том, что стоят на опушке леса, разные виды деятельности, которой они собираются заняться, определяют то, как они «видят лес».

Различия между биологическими и психологическими функциями сна и бодрствования более фундаментальны, чем между разными видами деятельности; соответственно различия между концептуальными системами, соответствующими двум состояниям, несравненно более велики. Когда мы бодрствуем, мысли и чувства в основном откликаются на сигналы окружающей среды: мы должны управлять ею, менять ее, защищаться от нее. Задача бодрствующего человека – выживание, человек подчиняется законам, которые управляют реальностью. Это значит, что он должен мыслить в терминах пространства и времени, а его мысли подчинены законам логики времени и пространства.

Когда мы спим, нас не занимает подчинение внешнего мира нашим целям. Мы беспомощны, а потому сон недаром называют «братом смерти». Но мы также свободны, свободнее, чем когда бодрствуем. Мы освобождены от тягот труда, от необходимости нападать или защищаться, от того, чтобы следить за тем, что происходит вокруг нас, и управлять реальностью. Мы не должны оглядываться на внешний мир, наш взгляд устремлен в мир внутренних и мы заняты исключительно собой. Когда мы спим, мы можем быть уподоблены зародышу или труп; мы также можем быть уподоблены ангелам, которые не подчиняются законам «реальности». Во сне царство необходимости уступает место царству свободы, в котором «я» – единственная система, к которой обращены мысли и чувства.

Психическая деятельность во сне управляется иной логикой, чем во время бодрствования. Ощущения спящего человека не должны учитывать те качества, которые имеют значение в реальности. Если я чувствую, например, что человек – трус, мне может присниться, что из человека он превратился в цыпленка. Такая перемена логична в терминах моего отношения к этому человеку, и нелогична только в терминах моей ориентации во внешнем мире (в терминах того, что я мог бы в реальности делать с этим человеком). Опыт сновидения не лишен логики, но подчиняется другим логическим правилам, которые совершенно правомерны в этом особом состоянии.

Сон и бодрствование – два полюса человеческого существования. Когда мы не спим, мы заняты действиями, а сон освобождает нас от этого. Функция сна – самоощущение. Когда мы просыпаемся, мы переходим в царство действий. Тогда мы ориентированы в терминах этой системы и в ней действует наша память: мы помним то, что можем вспомнить в соответствии с концепцией пространства и времени. Мир сновидения исчезает. Те события, которые происходили во сне, вспоминаются с огромным трудом³. Эта ситуация символически представлена в фольклоре: ночью правят бал привидения и духи, добрые и злые, но на рассвете они исчезают и от их активной деятельности ничего не остается.

³ Проблема функционирования памяти в связи с событиями во сне рассматривается в чрезвычайно интересной статье доктора Эрнеста Г. Шнахеля «О памяти и детской амнезии» // *Psychiatry*, February, 1947.

Из этих соображений могут быть сделаны определенные выводы касательно природы бессознательного.

Это не мифическая сфера наследуемого расового опыта, как считал Юнг, и не вместилище иррациональных либидозных сил, как полагал Фрейд. Бессознательное следует понимать на основании принципа «то, что мы делаем, влияет на то, что мы думаем и чувствуем».

Сознание представляет собой психическую деятельность в состоянии поглощенности внешней реальностью – действиями. Бессознательное – психический опыт в состоянии существования, при котором отсутствует связь с внешним миром, мы больше не заняты действиями, а погружены в самоощущения. Бессознательное связано с особым образом жизни – состоянием бездеятельности, и характеристики бессознательного вытекают из природы этого состояния. Свойства сознания, с другой стороны, определяются природой действий и функцией выживания в состоянии бодрствования.

«Бессознательное» является бессознательным только по отношению к «нормальному» состоянию деятельности. Когда мы говорим о «бессознательном», мы на самом деле сообщаем только о том, что этот опыт чужд состоянию ума, когда мы действуем; он воспринимается как призрачный, вторгшийся элемент, который трудно уловить и трудно запомнить. Однако дневной мир оказывается столь же бессознательным во сне, как ночной мир во время бодрствования. Термин «бессознательное» обычно используется исключительно с точки зрения дневного опыта и, таким образом, не передает того, что и сознание, и бессознательное – всего лишь различные состояния разума, относящиеся к разным состояниям существования.

Можно возразить, что в бодрствующем состоянии существования мысли и чувства тоже не полностью подчиняются ограничениям пространства и времени; наше творческое воображение позволяет нам думать об объектах прошлого и будущего, как если бы они существовали в настоящем, и об удаленных предметах, как если бы они были у нас перед глазами; наши чувства во время бодрствования не зависят от физического присутствия объекта или от его сосуществования с нами во времени; таким образом, отсутствие системы пространства-времени характерно не только для существования во сне в противоположность бодрствующему состоянию, – это относится к мыслям и чувствам в противоположность действиям. Такое полезное возражение дает мне возможность прояснить одно важное положение в моих рассуждениях.

Необходимо различать *содержание* мыслительных процессов и *логические категории*, используемые при мышлении. Хотя верно то, что содержание мыслей во время бодрствования не подчиняется ограничениям пространства и времени, категории логического мышления имеют пространственно-временную природу. Я могу, например, думать о своем отце и констатировать, что его установка в определенной ситуации идентична моей. Это утверждение логически правильно. С другой стороны, если я заявлю: «Я – мой отец», – утверждение окажется нелогичным, потому что не соответствует законам физического мира. Однако эта фраза с точки зрения внутренних переживаний логична: она выражает ощущение моей идентичности с отцом. Логические мыслительные процессы в состоянии бодрствования подчиняются категориям, имеющим корни в особой форме существования – той, когда мы связаны с реальностью в терминах действия. В спящем состоянии, которое характеризуется отсутствием даже потенциального действия, используются логические категории, имеющие отношение только к моему самоощущению. То же верно и для чувств. Когда в бодрствующем состоянии я испытываю какое-то чувство к человеку, которого не видел двадцать лет, я осознаю тот факт, что этот человек отсутствует. Если человек мне снится, мое чувство воспринимается так, как если бы он или она присутствовали. Однако слова «как если бы присутствовали» выражают чувство в логических концепциях «бодрствующей» жизни. Во сне нет никакого «как если бы»: там человек действительно присутствует.

На предыдущих страницах была предпринята попытка описать условия, возникающие во сне, и сделать из этого определенные выводы, касающиеся качеств активности в сновидении. Теперь мы перейдем к исследованию одного специфического элемента, имеющего огромную важность для понимания процессов сна. Мы говорили о том, что во сне мы не занимаемся управлением внешней реальностью. Мы ее не воспринимаем и не влияем на нее, как и не подчиняемся воздействию внешнего мира. Отсюда следует, что эффект такого отхода от реальности зависит от качеств реальности как таковой. Если воздействие внешнего мира по сути благотворно, отсутствие такого воздействия во сне имело бы тенденцию понижать ценность нашей активности во время сна, так что она уступала бы нашей психической деятельности в дневное время, когда мы находимся под воздействием благотворного влияния внешней реальности.

Однако правы ли мы в том, что воздействие реальности носит исключительно благотворный характер? Не может ли быть, что оно также и вредоносно, и тем самым отсутствие такого влияния способствует проявлению качеств, превосходящих те, которые свойственны нам наяву?

Говоря о реальности вне нас, мы не имеем в виду в первую очередь природный мир. Природа как таковая не хороша и не плоха. Она может быть полезна нам или вредна, и отсутствие ее восприятия освобождает нас от задачи управлять ею или защищаться от нее, но не делает нас ни глупее, ни мудрее, ни хуже, ни лучше. Все обстоит совершенно иначе с созданным человеком миром вокруг нас, с той культурой, в которой мы живем. Их воздействие на нас весьма неоднозначно, хотя мы и склонны считать, будто оно идет исключительно нам на пользу.

Действительно, свидетельства того, что влияние культуры благотворно, кажутся почти исчерпывающими. От мира животных нас отличает способность создавать культуру. Различия культурного уровня отличают высшие формы человеческого развития от низших. Простейший элемент культуры – язык является необходимым условием любых достижений человечества. Человека заслуженно называют животным, создающим символы, потому что без способности говорить мы едва ли могли бы быть названы людьми. Однако любая другая функция человека также зависит от наших контактов с внешним миром. Мы учимся думать, следя за другими людьми и участвуя у них. Мы развиваем свои эмоциональные, интеллектуальные и артистические способности под влиянием соприкосновения с накопленными знаниями и художественными свершениями, созданными обществом. Мы учимся любить и заботиться о других благодаря контактам с ними, и мы учимся сдерживать импульсы враждебности и эгоизма в силу любви к другим или по крайней мере из страха перед ними.

Так разве созданная людьми реальность вне нас не является самым важным фактором развития самого лучшего в нас и разве не должны мы ожидать, что, лишившись контакта с внешним миром, мы временно опустимся до примитивного, звероподобного, неразумного состояния? В пользу такого заключения можно многое сказать, и мнение о том, что такая регрессия – существенная особенность состояния сна и тем самым активности во сне, разделялось многими учеными, от Платона до Фрейда. С этой точки зрения ожидается, что сновидения – выражения иррациональных, примитивных влечений, и тот факт, что мы так легко забываем сны, исчерпывающе объясняется стыдом за эти иррациональные, преступные импульсы, появляющиеся, когда мы не находимся под контролем общества. Несомненно, такая интерпретация сновидений верна, и мы вскоре займемся ею и приведем некоторые примеры. Однако остается вопрос: вся ли это правда и не являются ли негативные элементы влияния общества причиной того парадоксального обстоятельства, что *мы в сновидениях не только менее разумны и менее благопристойны, но также и более интеллигентны, мудры и способны к более здравым суждениям, чем когда бодрствуем.*

Действительно, культура обладает не только благотворным, но и пагубным влиянием на наши интеллектуальные и нравственные функции. Человеческие существа зависят друг от друга и друг в друге нуждаются. Однако история человечества до сих пор находилась под воздействием того факта, что материальное производство было недостаточным для удовлетворения насущных потребностей всех людей. Стол был накрыт только для немногих из тех, кто желал сесть за стол и насыщаться. Те, кто был сильнее, старались обеспечить себе место, и это означало, что они должны помешать в этом другим. Если бы они любили своих собратьев, как завещали Будда, пророки и Иисус, они поделились бы хлебом, а не ели мясо и не пили вино в одиночестве. Однако, поскольку любовь – высочайшее и труднее всего достижимое свершение человеческой расы, не следует винить тех, кто смог сесть за стол, наслаждаться жизнью и не хотел делиться с прочими в том, что они искали власти над теми, кто угрожал их привилегиям. Их власть часто бывала властью завоевателей, физической силой, принуждавшей большинство быть довольным своей участью. Однако физическая сила не всегда была доступной или достаточной. Нужно было еще иметь власть над умами людей, чтобы заставить их воздерживаться от насилия. Этот контроль над умами и чувствами был необходимым элементом сохранения привилегий немногими. В этом процессе, впрочем, умы немногих делались такими же деформированными, как и умы большинства. Стражник, охраняющий заключенного, делается почти таким же узником, как и сам заключенный. «Элита», которая должна была контролировать тех, кто не был «избранным», становилась пленницей собственных запретительных тенденций. Таким образом, рассудок и тех, кто правит, и тех, кем правят, отклоняется от главной цели – думать и чувствовать по-человечески, использовать и развивать силы разума и любви, данные человеку от рождения и без полного развития которых он становится калекой.

В этом процессе отклонения и искажения характер человека делается исковерканным. Цели, противоположные интересам его истинной личности, делаются первоочередными. Способность человека любить иссякает, им движет жажда власти над другими. Уверенность в себе уменьшается, и человек вынужден искать компенсацию в страстном стремлении к славе и престижу. Человек утрачивает чувство собственного достоинства и целостности, вынужден превратиться в предмет потребления, для него источником самоуважения делается его продажная стоимость, его успех. Все это приводит к тому, что мы учимся не только тому, что истинно, но и тому, что ложно, что мы слышим не только о добре, но и постоянно оказываемся под воздействием идей, пагубных для жизни.

Все это верно не только для примитивного племени, в котором строгие законы и обычаи воздействуют на ум, но и для современного общества с его предполагаемой свободой от строгого следования ритуалам. Во многих отношениях распространение грамотности и средств массовой информации привели к тому, что влияние культурных клише сделалось столь же действенным, как и в чрезвычайно ограниченной племенной культуре. Современный человек оглушается почти непрерывным «шумом» – звуками радио, телевидения, заголовками газет, рекламой, кинофильмами, по большей части не просвещающими наш ум, а притупляющими его. Нам предлагают рационализированную ложь, маскирующуюся под правду, бессмыслицу, маскирующуюся под здравый смысл или под высшую мудрость специалиста; нам навязывают двойные стандарты, умственную леность или нечестность, выступающие во имя «чести» или «реализма». Мы ощущаем свое превосходство над пред-рассудками поколений наших предков и так называемых примитивных культур, но нам самим постоянно навязываются такие же суеверные верования, выдающие себя за последние открытия науки. Разве не удивительно, что бодрствование часто воспринимается не как благословение, а почти как проклятие? Не удивительно ли, что во сне, когда мы наедине с собой, когда мы можем заглянуть в себя, будучи избавленными от шума и бессмыслицы,

окружающих нас наяву, мы способны лучше чувствовать и мыслить, нам доступны самые истинные и ценные чувства и мысли?

Вот к какому выводу мы приходим: состояние сна имеет двойственную функцию. Отсутствие контакта с культурой способствует проявлению как худшего в нас, так и лучшего; следовательно, в сновидении мы можем быть менее интеллигентными, менее мудрыми, менее благопристойными, но также и лучше и умнее, чем наяву.

Дойдя до этого заключения, мы оказываемся перед трудной проблемой: как можно узнать, следует ли понимать сновидение как проявление лучшего в нас или как худшего? Существует ли какой-то принцип, которым мы могли бы руководствоваться в этом отношении?

Для ответа на этот вопрос следует покинуть довольно поверхностный уровень обсуждения и постараться заглянуть глубже, обсудив некоторые интерпретации конкретных сновидений.

О следующем сне сообщил человек, который накануне встретился с «очень важной персоной». Эта персона имела репутацию человека мудрого и доброго, и тот, кто потом рассказывал о своем сновидении, пришел на встречу с ним с уже сложившимся под влиянием рассказов мнением. Примерно через час они расстались, и у человека, рассказывавшего о сновидении, осталось впечатление о встрече с великим и добрым персонажем.

«Я вижу мистера Х. [очень важную персону]; его лицо выглядит совсем не так, как выглядело вчера. Я вижу жесткий рот и суровое лицо. Старик, смеясь, рассказывает кому-то о том, что ему только что удалось обманом выманить у бедной вдовы ее последние гроши. Я испытываю отвращение».

Когда этого человека попросили сказать, что ему приходит в голову по поводу сновидения, он ответил, что вспоминает мимолетное чувство разочарования, которое он испытал, войдя в комнату мистера Х. и бросив взгляд на его лицо; это чувство, впрочем, исчезло, как только мистер Х. дружелюбно и приветливо заговорил с ним.

Как понять это сновидение? Возможно, человек, видевший сон, завидует славе мистера Х. и по этой причине ему не симпатизирует? В этом случае сон был бы выражением иррациональной ненависти к мистеру Х., о которой сам человек и не подозревает. Однако в рассматриваемом здесь случае все иначе. При последующей встрече, когда человек, видевший сон, осознал свои подозрения благодаря сновидению, он внимательно следил за мистером Х. и обнаружил, что в том есть элемент безжалостности, который впервые был замечен во сне. Его впечатление подтвердили немногие лица, осмелившиеся усомниться во мнении большинства, видевшего в Х. доброго человека. Подтвердили впечатление и некоторые факты из жизни Х., не такие отталкивающие, как в сновидении, но тем не менее выражавшие тот же дух.

Как мы видим, проникновение в характер Х. во сне было гораздо более тонким, чем наяву. «Зашумление» общественным мнением, согласно которому Х. был прекрасным человеком, помешало человеку, видевшему сон, осознать при встрече свою критическую оценку. Только позднее, после сновидения, смог он вспомнить о мимолетном чувстве недоверия и сомнения. Во сне, когда человек был защищен от «зашумления» и мог остаться наедине с собой, своими впечатлениями и чувствами, смог он прийти к суждению, более пронизательному, чем то, которое у него сложилось во время бодрствования.

При интерпретации этого сновидения, как и любого другого, мы можем решить, является ли сон выражением иррациональной страсти или же суждения, только если примем во внимание личность видящего сон, настроение, в котором он был, когда засыпал, и наличие каких-либо сведений о приснившейся ситуации. В данном случае нашей интерпретации помогает ряд факторов. Сновидец смог вспомнить о первоначальном мимолетном ощущении неприязни. Он не испытывал никакой враждебности к Х., да и не имел для этого осно-

ваний. Сведения о жизни Х. и более поздние наблюдения подтвердили то впечатление, которое было во сне. Если бы всех этих факторов не было, наша интерпретация была бы иной. Например, если бы сновидец был склонен испытывать зависть к знаменитым людям, не мог бы найти никаких доказательств справедливости приснившегося впечатления об Х. и не мог бы вспомнить чувства неприязни при первой встрече, тогда, конечно, мы могли бы заключить, что сновидение было не проявлением пронизательности, а выражением иррациональной ненависти.

Интуиция тесно связана с предвидением. Предсказание означает, что будущее развитие событий выводится из характера и интенсивности сил, действие которых мы наблюдаем в настоящем. Всякое настоящее знание – не поверхностное знание, а понимание глубинных влияний – ведет к предсказанию, и любое достоверное предсказание должно базироваться на таком знании. Неудивительно, что мы часто предвидим события, которые позднее подтверждаются фактами. Совершенно независимо от существования телепатии многие сновидения, в которых человек предсказывает будущие события, попадают в категорию тех рациональных предсказаний, о которых мы только что сказали. Один из древнейших примеров такого предсказания – сон Иосифа:

«И видел Иосиф сон, и рассказал братьям своим, а они возненавидели его еще более.

Он сказал им – выслушайте сон, который я видел: вот мы вяжем снопы посреди поля; и вот мой сноп встал и стал прямо; и вот ваши снопы стали кругом и поклонились моему снопу.

И сказали ему братья его: неужели ты будешь царствовать над нами? неужели будешь владеть нами? И возненавидели его еще более за сны его и за слова его.

И видел он еще другой сон и рассказал отцу своему и братьям своим, говоря: вот я видел еще сон: вот солнце и луна и одиннадцать звезд поклоняются мне.

И он рассказал отцу своему и братьям своим; и побранил его отец его и сказал ему: что это за сон, который ты видел? неужели я и твоя мать, и твои братья придем поклониться тебе до земли?

Братья его досадовали на него, а отец его заметил это слово» (Быт., 37: 5–11).

Этот рассказ в Ветхом Завете демонстрирует ситуацию, когда сновидения все еще понимались обычными людьми непосредственно и не требовалась помощь эксперта – толкователя сновидений, чтобы понять относительно простой сон. (Что для интерпретации более трудного сна требовался эксперт, показано в рассказе о сне фараона, когда придворные толкователи сновидений не могли понять смысла сна и пришлось обратиться к Иосифу.) Братья Иосифа сразу поняли, что сон выражает фантазии Иосифа о том, что в один прекрасный день он возвысится над отцом и братьями и что они преклонятся перед ним. Несомненно, сновидение – выражение амбициозности Иосифа, без которой он, возможно, и не достиг бы высокого положения. Однако так случилось, что сон оказался пророческим; он не только был выражением иррациональных амбиций, но одновременно предсказанием событий, которые действительно произошли. Как мог Иосиф сделать такое предсказание? История его жизни в библейском изложении показывает, что Иосиф был не только амбициозным, но и обладал необычными талантами. Во сне он более ярко осознает свои выдающиеся дарования, чем мог это сделать наяву, когда на него давил тот факт, что он – младший и самый слабый из братьев. Сновидение Иосифа – смесь его страстных амбиций и осознания дарований, без которых сон не сбылся бы.

Предсказание другого рода содержится в следующем сновидении. А. встречается с В., чтобы обсудить будущее деловое сотрудничество; В. произвел на него благоприятное впечатление, и А. решает, что взял бы В. в партнеры. Ночью после встречи А. видит сон:

«Я вижу В., сидящего в нашем общем офисе. Он просматривает книги и меняет в них цифры, чтобы скрыть тот факт, что он украл большую сумму денег».

А. просыпается, и, имея привычку обращать некоторое внимание на сновидения, чувствует себя озадаченным. А. уверен, что сны всегда являются выражением иррациональных желаний, и говорит себе, что дело в его враждебности к конкурентам и что эта враждебность и подозрительность заставили его фантазировать о том, что В. – вор. Истолковав сновидение подобным образом, А. постарался избавиться от иррациональных подозрений. После того как А. вступил в деловое сотрудничество с В., произошло несколько случаев, вновь вызвавших у А. подозрения. Однако вспоминая свой сон и его толкование, он снова убедил себя, что находится под влиянием иррациональной враждебности, и решил не обращать внимания на подозрительные обстоятельства. Через год, однако, он обнаружил, что В. украл значительную сумму денег, подделав записи в книгах. Сновидение оказалось почти полностью сбывшимся.

Анализ возникших у А. ассоциаций показал, что его сон выразил интуитивную оценку В., сложившуюся при первой встрече, но которую он не осознавал во время бодрствования. Многочисленные сложные впечатления о другом человеке, возникшие за долю секунды без осознания собственных мыслительных процессов, заставили А. счесть В. нечестным человеком. Однако поскольку «доказательств» этого не было, а манеры В. делали затруднительным для А. осознанно поверить в нечестность В., А. полностью подавил такую мысль; точнее, мысль даже не была воспринята, пока А. бодрствовал. Во сне, впрочем, А. ясно осознал свои подозрения; прислушайся он к этому внутреннему голосу, он избежал бы многих неприятностей. Убеждение А. в том, что сновидения – всегда выражение иррациональных фантазий и желаний, заставило его неправильно интерпретировать сон и даже некоторые последующие наблюдения.

Сон, выражавший моральное суждение, приснился писателю, которому предложили работу, за которую он получил бы гораздо больше денег, чем за то, чем занимался в тот момент, но при которой ему пришлось бы писать вещи, в которые он не верил, и наносить ущерб собственной целостности. Тем не менее предложение было настолько соблазнительным в плане денег и престижа, что писатель засомневался, что сумеет его отклонить. Ему представились все обычные в такой ситуации рационализации. Он думал о том, что в конце концов он мог слишком мрачно смотреть на вещи и что уступки, на которые ему пришлось бы пойти, большого значения не имеют. Более того, хоть ему и пришлось бы писать не то, что ему хотелось бы, это продолжалось бы всего несколько лет, а затем он отказался бы от неприятной работы, имея достаточно денег, чтобы стать совершенно независимым и заниматься делами, имеющими для него значение. Писатель подумал о своих друзьях и родственниках и о том, как много мог бы для них сделать. В конце концов он стал так представлять себе проблему, что согласие на работу начало казаться моральной обязанностью, в то время как отказ – потворством своим желаниям, проявлением эгоизма. Тем не менее никакие из этих рационализаций его не удовлетворили, он продолжал сомневаться и не мог прийти ни к какому решению до тех пор, пока однажды ночью не увидел следующий сон.

«Я сидел в машине у подножия горы, где начиналась узкая и очень крутая дорога, ведущая на вершину. Я сомневался, стоит ли ехать по ней: дорога представлялась очень опасной. Однако стоявший рядом с машиной человек сказал мне ехать и не бояться. Я выслушал его и решил последовать этому совету. Я двинулся в путь, а дорога становилась все более и более опасной. Остановиться, впрочем, я не мог, потому что развернуться не было возможности. Когда я был уже почти на вершине, мотор заглох, тормоза отказали, и машина покатила назад и упала в пропасть. Я проснулся в ужасе».

Для полной расшифровки сновидения следует добавить одну ассоциацию. Сновидец сообщил, что человек, ободрявший его перед подъемом на гору, был его бывшим другом, художником, который «запродался», сделался модным портретистом, заработал много денег, но при этом утратил способность к творчеству. Писатель знал, что, несмотря на успех, его

друг несчастен и страдает от того факта, что предал себя. Понять сновидение нетрудно. Крутая гора, на которую писатель должен был въехать, – символическое выражение успешной карьеры, в отношении которой он должен принять решение. Во сне он знает, что этот путь опасен. Он осознает, что если примет предложение, то сделает в точности то же, что его друг – нечто, за что он того презирал и из-за чего разорвал дружеские отношения. Во сне писатель понимает, что такое решение может вести только к гибели. Ему снится его физическая гибель, символизирующая опасность, которая угрожает разрушить его интеллектуальную и духовную целостность.

Писатель во сне ясно увидел стоящую перед ним этическую проблему и понял, что должен выбирать между «успехом», с одной стороны, и собственной целостностью и счастьем – с другой. Он увидел, какой будет его судьба, если он примет неправильное решение. Наяву он не мог ясно оценить альтернативу. На него слишком сильно действовал «шум» – соображения о том, что глупо не воспользоваться шансом получить много денег, власти и престижа. Он был так впечатлен голосами, твердившими, что его «идеализм» – детская непрактичность, что прислушивался к рационализациям, которыми человек обычно пользуется, чтобы заглушить голос совести. Писатель, зная, что во сне мы часто знаем больше, чем когда бодрствуем, был в достаточной степени поражен сновидением, чтобы туман в его рассудке рассеялся; он смог ясно увидеть альтернативу, принять решение в пользу своей целостности и против разрушительного искушения.

Во сне случаются не только лучшие понимания наших отношений с другими людьми, ценностные суждения и предсказания, но и интеллект работает лучше, чем наяву. Это неудивительно, поскольку углубленные размышления требуют сосредоточения, которое часто недостижимо для нас, когда мы бодрствуем, в то время как состояние сна этому способствует. Самым известным примером сновидения такого рода служит открытие бензольного кольца. Человек, увидевший сон, уже давно искал химическую формулу бензола, и однажды ночью увидел ее во сне⁴. Ему повезло: он вспомнил свое сновидение по пробуждении. Существуют многочисленные примеры, когда люди, искавшие решение проблемы в математике, технике, философии или в практических делах, однажды ночью совершенно отчетливо видели его во сне.

Иногда человеку снятся чрезвычайно сложные интеллектуальные построения. Описанное ниже сновидение является примером такого мыслительного процесса, хотя и содержит одновременно очень личный элемент. Вот какой сон приснился одной умной женщине.

«Я увидела кошку и множество мышей и подумала: спрошу завтра утром мужа – разве сотня мышей не сильнее одной кошки? Почему они не могут ее победить? Я знаю, он ответит мне, что это не отличается от исторической проблемы: как диктатор может править миллионами и не быть свергнутым ими. Впрочем, я знала, что это вопрос-ловушка и его ответ неверен».

На следующее утро женщина рассказала мужу первую часть своего сна и спросила его: «Что это значит – мне приснилось, что сотня мышей не может победить одну кошку?» Муж тут же дал тот ответ, который она предвидела во сне. Через два дня женщина прочитала мужу сочиненное ею стихотворение. В стихотворении шла речь о черной кошке, которая на заснеженном поле оказалась окружена сотнями мышей. Мыши смеялись над кошкой, потому что, будучи черной, она была отчетливо видна на снегу; кошке захотелось стать белой, чтобы быть не такой заметной. Стихотворение завершилось строкой: «И теперь я понимаю, что так озадачило меня прошлой ночью».

Рассказывая стихотворение мужу, женщина не осознавала связи между стихотворением и сновидением; муж эту связь увидел и сказал: «Ну так стихотворение дает ответ на

⁴ Немцкому химику Ф. Кекуле формула приснилась в виде свернувшейся в кольцо змеи. – *Прим. перев.*

твой сон. Ты идентифицировала себя не с мышами, как я подумал, а с кошкой, и во сне ты гордилась тем, что даже сотня мышей не может тебя победить. В то же время ты испытывала унижение, потому что слабые мыши, над которыми ты чувствуешь свое превосходство, над тобой смеются, раз могут тебя отчетливо видеть». (Женщина любит кошек и чувствует свое родство с ними.)

IV Фрейд и Юнг

Мои определения сновидений и всех разновидностей психической деятельности во время сна, хотя и основаны на фрейдовской теории сновидений, во многом резко расходятся с нею. Я полагаю, что сновидения могут быть выражением *как* низших и самых иррациональных, *так и* высочайших и самых ценных функций нашего разума. Фрейд считал, что сны всегда неизбежно являются выражением иррациональной части личности. Я постараюсь ниже показать, что все три теории – сновидений как исключительно иррационального явления, сновидений как исключительно рационального явления, сновидений как то одного, то другого – могут быть обнаружены в истории интерпретации сновидений с древнейших времен. Исходя из того, что фрейдовское толкование сновидений есть изначальный, самый известный и самый значительный вклад в современную науку интерпретации сновидений, я начну с описания и обсуждения подхода Фрейда, прежде чем перейду к рассмотрению истории этих трех теорий до Фрейда.

Фрейдовское толкование снов основано на том же принципе, что и вся его психологическая теория: концепции, согласно которой мы обладаем устремлениями, чувствами и желаниями, которые мотивируют наши действия, но нами не осознаются. Он называл такие устремления «бессознательными» и считал, что мы не только не осознаем их, но от их осознания нас защищает могущественный «цензор». По многим причинам, самой важной из которых служит страх потерять одобрение наших родителей и друзей, мы подавляем такие устремления; осознание их заставило бы нас чувствовать вину или боязнь наказания. Однако вытеснение бессознательных побуждений из сознания не означает, что они перестают существовать. На самом деле они остаются настолько сильными, что находят выражение в самых разных формах, но так, что мы не осознаем их появления, так сказать, через черный вход. Наше сознание полагает, что избавилось от таких нежелательных чувств и желаний, оно ужасается тому, что они могли бы продолжать существовать в нас; поэтому, когда они все же возвращаются и проявляют свое присутствие, они оказываются искаженными и завуалированными до такой степени, что сознанию не удается узнать их истинную сущность.

Так Фрейд объяснял невротические симптомы. Он полагал, что мощные побуждения, удерживаемые от того, чтобы пробиться в сознание, «цензором», находят выражение в симптомах, но в замаскированной форме, так что мы осознаем только страдания, вызванные симптомом, а не иррациональные влечения, не нашедшие удовлетворения. Таким образом, Фрейд впервые установил, что невротические симптомы вызываются внутренними силами и могут быть поняты, если иметь к ним ключ.

Один пример может проиллюстрировать это положение. Женщина жалуется на навязчивое желание вымыть руки после того, как она чего-то коснулась. Естественно, это стало очень обременительным симптомом, поскольку мешает всем ее действиям и делает совершенно несчастной. Она не знает, почему должна так поступать. Единственное, что она может сказать, – это что чувствует невыносимое беспокойство, если пытается этого не делать. Сам факт того, что она вынуждена подчиняться овладевшему ею импульсу, не понимая причины этого, еще усугубляет ее страдание. При анализе ее фантазий и свободных ассоциаций обнаруживается, что пациентка борется с сильным чувством враждебности. Появление ее симптомов совпало с началом романа ее мужа с другой женщиной; супруг порвал с ней неожиданно и жестоко. Она всегда была зависима от мужа, никогда не осмеливалась критиковать его или противоречить ему. Даже когда муж объявил о своем намерении оставить ее, она не сказала ни слова, не позволила себе ни упреков, ни обвинений, ни гнева. Но именно в

то время стал проявляться ее симптом. Дальнейший анализ показал, что у пациентки был жестокий властный отец, которого она боялась и в адрес которого никогда не осмеливалась проявить недовольство или в чем-то его упрекнуть. Анализ также показал, что кротость и послушание пациентки совсем не говорили об отсутствии злости. Напротив, за внешним безропотным поведением раздражение накапливалось; оно находило выражение только в фантазиях: например, она видела отца умирающим, убитым, изувеченным. Жажда мести и ненависть становились все сильнее, однако страх и укоры совести заставляли женщину почти полностью подавлять такие желания. Поведение мужа в отношении нее оживило ее подавленную ярость и добавило в огонь топлива. Однако и теперь она не могла позволить себе выразить гнев или даже почувствовать его. Осознавая она свою враждебность, ей захотелось бы убить мужа или хотя бы причинить ему боль, и невротические симптомы могли бы и не развиваться. На деле же враждебность накапливалась, а женщина этого не осознавала.

Симптомы пациентки были реакцией на враждебность. Подсознательно прикосновения к предметам стали актами разрушения, и женщине приходилось мыть руки, чтобы очиститься от разрушительного действия, которое она совершила. Казалось, на ее руках кровь, и она должна смывать ее снова и снова. Навязчивое мытье рук было реакцией на враждебный импульс, попыткой исправить преступление, которое она будто бы совершила, и все же женщина осознавала только потребность мыть руки, не понимая причин этого. Симптом, казавшийся бессмысленным действием, мог, таким образом, быть понят как значимое проявление поведения, как только удалось проникнуть в бессознательную часть личности, где и крылась причина кажущихся бессмысленными действий: симптом был компромиссом, позволяющим женщине изжить, хотя и бессознательно, свою ярость и все же очиститься благодаря церемонии мытья рук.

Открытие понимания бессознательных процессов привело Фрейда к открытию, проливавшему свет на нормальное поведение. Оно позволило объяснить такие ошибки, как оговорки, которые озадачивали многих исследователей, не находивших им объяснения. Мы все знакомы с феноменом, когда неожиданно не можем вспомнить хорошо знакомое нам имя. Хотя верно, что такая забывчивость может иметь множество причин, Фрейд открыл, что часто объяснение может быть обнаружено в том факте, что что-то внутри нас не позволяет думать об этом имени, потому что оно связано со страхом, гневом или какой-то другой подобной эмоцией. Наше желание отстраниться от болезненного аспекта приводит к забыванию связанного с ним имени. Как сказал однажды Ницше: «Моя память говорит, что я это сделал; моя гордость говорит, что сделать этого я не мог. Память уступает».

Мотивы подобных оговорок – не обязательно страх или чувство вины. Если при встрече с кем-то вместо «здравствуйте» вы говорите «до свидания», это бывает выражением истинных чувств: вам хочется сразу же расстаться с человеком, которого вы только что встретили, или чтобы встречи вообще не произошло. Правила вежливости делают невозможным выражение этого чувства, и все же неприязнь прорывается, так сказать, из-за спины. Она вкладывает вам в рот те самые слова, которые выражают действительные чувства, хотя сознательно вы хотите выразить удовольствие от встречи.

Сновидения – другой вид поведения, который Фрейд понимает как выражение бессознательных влечений. Он полагает, что в качестве невротического симптома или ошибки сон выражает бессознательные побуждения, которые мы не позволяем себе осознать и таким образом удерживаем вне сознания, когда полностью контролируем свои мысли. Эти вытесненные идеи и чувства оживают и находят выражение, когда мы спим, и мы называем их снами.

Из общей концепции сновидений следует ряд более специфических заключений.

Мотивирующими силами нашей жизни во сне являются наши иррациональные желания. В сновидении оживают импульсы, существование которых мы не хотим или не осме-

ливаемся признать наяву. Иррациональные ненависть, амбиции, ревность, зависть, и в особенности непристойные или извращенные сексуальные желания, которые мы изгоняем из сознания, находят выражение во сне. Фрейд полагает, что все мы носим в себе такие иррациональные желания, подавляемые в силу требований общества, но от которых полностью избавиться не можем. Во время сна сознательный контроль ослабевает, и эти желания оживают и делаются слышимыми.

Фрейд идет еще дальше. Он связывает теорию сновидений с функцией сна. Сон является физиологической необходимостью, и наш организм старается оберегать его как можно лучше. Если бы мы чувствовали интенсивные иррациональные желания во сне, это нас встревожило бы и мы бы проснулись. Таким образом, желания препятствовали бы биологической потребности продолжать спать. Что же мы делаем, чтобы сохранить сон? Мы представляем себе, будто желания исполнились; поэтому мы испытываем чувство удовлетворения, а не беспокоящую нас фрустрацию.

Таким образом, Фрейд приходит к заключению, что сутью сна является галлюцинаторное исполнение иррациональных желаний; его функция – сохранение состояния сна. Это объяснение легче понять в тех случаях, когда желание не носит иррационального характера и когда сновидение не искажается, как происходит с обычным сном, согласно Фрейду. Предположим, что человек перед сном съел очень соленое блюдо и ночью испытывает сильную жажду. Ему может присниться, что он ищет источник воды, находит колодец и пьет много прохладной вкусной воды. Вместо того чтобы проснуться, чтобы напиться, человек получает призрачное удовлетворение от фантазии, будто он пьет, и это позволяет ему продолжать спать. Мы все знакомы со сходным галлюцинаторным удовлетворением, когда нас будит звонок будильника; в этот момент нам снится, что мы слышим звон церковного колокола и думаем, что это воскресенье и рано вставать не нужно. В таком случае сновидение выполняет функцию охраны сна. Фрейд полагает, что подобные простые исполнения желаний, которые сами по себе иррациональными не являются, относительно редки у взрослых, хотя достаточно часты у детей; в целом наши сновидения есть исполнение не таких естественных желаний, а желаний иррациональных, которые в дневное время подавляются.

Второй вывод, к которому пришел в отношении сновидений Фрейд, заключается в следующем. Иррациональные желания, воспринимаемые во сне как выполняющиеся, уходят корнями в детство; когда-то, когда мы были детьми, они были явными, потом продолжали свое подспудное существование и вернулись к жизни в сновидениях. Такой взгляд основывается на общем положении Фрейда об иррациональности ребенка.

Для Фрейда ребенок обладает многими асоциальными импульсами. Поскольку он не обладает физической силой и знаниями для того, чтобы их осуществлять, они безвредны и нет нужды защищаться от зловредных замыслов ребенка. Однако если присмотреться к качеству этих влечений, а не к их результатам на практике, оказывается, что маленький ребенок – существо асоциальное и аморальное. Это верно в первую очередь для его сексуальных импульсов. В соответствии со взглядами Фрейда, все эти сексуальные побуждения, называемые извращениями, когда они обнаруживаются у взрослого человека, составляют часть нормального полового развития ребенка. У младенца сексуальная энергия (либидо) концентрируется вокруг рта, затем она связана с дефекацией, а со временем сосредоточивается вокруг половых органов. Маленький ребенок обладает интенсивными садистскими и мазохистскими влечениями. Он – эксгибиционист, а также испытывает нездоровое любопытство и любит подглядывать. Ребенок отличается нарциссизмом и любит только себя. Он чрезвычайно ревнив и переполнен разрушительными импульсами в отношении соперников. В сексуальной жизни маленького мальчика и маленькой девочки властвуют кровосмесительные влечения. Они испытывают сильную сексуальную привязанность к родителю противоположного пола и ревнуют и ненавидят родителя своего пола. Только боязнь наказания со

стороны ненавистного соперника заставляет ребенка подавлять такие кровосмесительные желания. Благодаря идентификации с отцом, с его приказами и запретами маленький мальчик преодолевает свою ненависть к нему и замещает ее желанием походить на отца. Результатом «эдипова комплекса» оказывается развитие совести.

Представления Фрейда о ребенке удивительно сходны с картиной, которую рисует св. Августин. Одно из главных доказательств врожденной греховности человека св. Августин видит в порочности маленького ребенка. Он указывает, что развращенность человека должна быть врожденной, потому что младенец испорчен еще до того, как у него появился шанс научиться плохому у других или оказаться развращенным дурным примером. Фрейд, как и св. Августин, не выделяет те качества ребенка, которые могли бы по крайней мере уравновесить негативные черты: непосредственность, отзывчивость, мягкость суждений о людях, способность верно судить об отношении к себе других людей независимо от того, что они говорят, непрестанные усилия по познанию мира, – короче, все те качества, которые заставляют нас восхищаться детьми и любить их и которые породили идею о том, что детские качества во взрослом человеке – его самое драгоценное богатство. Существует множество причин того, почему Фрейд обращает внимание только на порочные качества детей. Одной из этих причин служит то, что Викторианская эпоха создала иллюзию, фикцию «невинности» ребенка. Считалось, что дети не имеют сексуальных побуждений или каких-либо иных «дурных» импульсов. Когда Фрейд выступил против этого общепринятого мнения, его обвинили в осквернении невинности ребенка и в нападках на одну из главных ценностей, в которые верили викторианские семьи. Понятно, почему Фрейд в этой битве впал в противоположную крайность и нарисовал одностороннюю картину сущности ребенка.

Другая причина такой оценки Фрейдом ребенка кроется в том факте, что для Фрейда одна из функций общества – заставить человека подавлять свои аморальные и асоциальные устремления и выработать благодаря такому подавлению общественно ценные качества; это превращение зла в добро осуществляется с помощью механизмов, которые Фрейд называл «формированием реакции» и «сублимацией». Подавление порочного импульса, такого как садизм, например, ведет к формированию противоположного импульса – такого как доброжелательность, функция которого, динамически говоря, не позволить подавляемому садизму найти выражение в мыслях, действиях и чувствах. Сублимацией Фрейд называл феномен отделения порочного импульса от его изначальных асоциальных целей и использования его в более высоком и культурно ценном назначении. Иллюстрацией может служить человек, сублимирующий импульс причинения боли в ценное искусство хирургии. Фрейд утверждает, что доброжелательность, любовь, конструктивные импульсы в человеке не первичны, а являются вторичным продуктом, порождаемым необходимостью подавления изначальных порочных побуждений. Культура понимается как результат такого подавления. В своем первоначальном состоянии «человек» Фрейда в противоположность «человеку» Руссо исполнен вредоносных импульсов. Чем больше развивается общество и чем больше принуждает человека подавлять такие импульсы, тем больше он овладевает формированием реакций и сублимацией. Чем выше культурное развитие, тем выше градус подавления. Однако поскольку способность человека к формированию реакций и сублимации не безгранична, такое усиление подавления часто не приносит успеха, исходные устремления выходят на поверхность, а не имея возможности проявиться в действии, приводят к невротическим симптомам. Таким образом, заключает Фрейд, человек оказывается перед неизбежной альтернативой: чем выше культурное развитие, тем сильнее подавление и тем больше неврозов.

Такая концепция приводит к необходимости считать ребенка остающимся по сути аморальным до тех пор, пока он не оказывается под контролем требований общества, но даже

такой контроль никогда полностью не устраняет массы порочных импульсов, продолжающих свое подпольное существование.

Есть и еще одна причина, по которой Фрейд подчеркивает иррациональность ребенка. При анализе собственных сновидений его поразило тот факт, что даже у нормального, психически здорового взрослого могут быть обнаружены такие иррациональные влечения, как ненависть, ревность, амбиции. В конце XIX – начале XX века стала ощущаться резкая граница между больными и здоровыми. Было невозможно себе представить, чтобы нормальный, уважаемый гражданин был должен или мог хранить в себе столько «безумных» импульсов, как об этом свидетельствовали его сновидения. Как можно было объяснить присутствие этих импульсов в сновидениях, не разрушив концепцию здорового, «нормального» взрослого? Фрейд нашел разрешение этой трудности в предположении, что иррациональные влечения, проявляющиеся в снах, есть выражение во взрослом ребенке, которое все еще сохраняется и оживает в сновидениях. Теоретическая конструкция Фрейда сводится к следующему: некоторые импульсы ребенка делаются подавленными, но продолжают скрытое существование в подсознании и появляются в сновидениях, хотя и искаженными и завуалированными в силу потребности взрослого избежать полного их осознания даже во сне. Я приведу одно из сновидений Фрейда, которое он анализирует в своей книге «Толкование сновидений» как иллюстрацию этого положения.

«Сон состоял из двух мыслей и двух образов – за каждой мыслью следовала картина. Я, впрочем, перескажу только первую половину сновидения, поскольку вторая не имеет отношения к той цели, ради которой я описываю сон.

1. Мой коллега Р. был моим дядей. Я испытывал к нему глубокую привязанность.

2. Я видел перед собой его лицо, несколько изменившееся. Оно как бы удлинилось. Особенно ясно была видна окружающая лицо светлая борода.

За этим последовали две другие части сновидения, которые я опущу; опять же, за мыслью следовала картина.

Интерпретация сновидения происходила следующим образом.

Когда наутро я вспомнил сон, я рассмеялся и сказал: «Какая бессмыслица!» Однако сновидение не хотело уходить и преследовало меня весь день, пока наконец к вечеру я не стал упрекать себя: «Если бы один из твоих пациентов не придумал ничего лучше, чем назвать сон бессмыслицей, ты стал бы расспрашивать его и заподозрил, что за сном скрывается какая-то неприятная история и пациент старается избежать осознания этого. Примени тот же подход к себе. Твое мнение о том, что сон – бессмыслица, означает только, что ты испытываешь внутреннее сопротивление его истолкованию. Не позволяй себе отступить». Так что я приступил к интерпретации.

«Р. был моим дядей». Что это могло значить? У меня всегда был только один дядя – дядя Иосиф⁵. С ним произошла неприятная история. Однажды – более тридцати лет назад – стремясь подзаработать, он позволил вовлечь себя в предприятие, сурово преследовавшееся законом, и оказался осужден. Мой отец, от горя за несколько дней поседевший, всегда говорил, что дядя Иосиф – человек неплохой, только простак. Так, значит, если Р. был моим дядей Иосифом, не имел ли я в виду, что Р. – простак?

Едва ли правдоподобно и очень неприятно! Однако было еще и лицо, которое я видел во сне, – удлиненное и со светлой бородой. У моего дяди действительно было такое лицо – удлиненное и окруженное красивой светлой бородой. Мой коллега Р. с молодости был очень темноволос, но когда темноволосые люди начинают седеть, они расплачиваются за красоту

⁵ Меня поразило наблюдение за тем, как моя память – бодрствующая память – сузилась в этом месте. На самом деле я знал пятерых своих дядьев, и я любил и почитал одного из них. Однако в тот момент, когда я преодолел свое сопротивление интерпретации сна, я сказал себе, что у меня никогда не было больше одного дяди – того, который фигурировал во сне. – *Прим. З. Фрейда.*

своей юности. Волос за волосом их черные бороды претерпевают неприятное изменение цвета: сначала делаются рыжевато-каштановыми, и только потом – явно седыми. Борода моего коллеги Р. в то время как раз проходила эту стадию, – так же как и моя собственная, как я с неудовольствием заметил. Лицо, которое я видел во сне, было одновременно и лицом Р. и лицом моего дяди. Это было похоже на одну из смешанных фотографий Гальтона (чтобы выявить семейное сходство, Гальтон снимал несколько лиц на одну и ту же пластинку). Так что не могло оставаться сомнений: я действительно имел в виду, что Р. – простак, как мой дядя Иосиф.

У меня все еще не было никакого представления о том, какой могла быть цель такого сравнения, чему я продолжал сопротивляться. Сходство не могло быть очень глубоким, потому что мой дядя являлся преступником, а у Р. репутация была безупречна, если не считать штрафа за то, что он на велосипеде сбил мальчика. Не мог ли я иметь в виду этот проступок? Такое предположение было просто смешным. В этот момент я вспомнил другой разговор, с другим своим коллегой, Н., который состоялся за несколько дней до того и, как я теперь вспомнил, касался того же предмета. Я повстречал Н. на улице. Его тоже рекомендовали на должность профессора. Он слышал о той чести, которая была оказана мне, и стал поздравлять с ней, но я решительно отказался принять поздравления. «Вы – последний, кто мог бы так шутить, – сказал я ему. – Вы знаете, чего стоит подобная рекомендация, на собственном опыте». – «Кто может сказать? – ответил он, как мне показалось, не очень серьезно. – Против меня определенно были некоторые обстоятельства. Разве вы не знаете, что одна женщина подала на меня в суд? Мне не нужно говорить вам, что дело даже не дошло до разбирательства. Это была бессовестная попытка шантажа, и мне с трудом удалось избавить истицу от наказания. Однако, возможно, в министерстве используют тот случай как повод для того, чтобы меня не назначить. Но ведь у вас-то безупречная репутация». Теперь мне стало понятно, кто был преступником, и в то же время сделалось ясно, как следовало интерпретировать сон и какова была его цель. Мой дядя Иосиф совмещал в одном лице двух моих коллег, которых не назначили профессорами, – одного как простака, а другого как преступника. Я теперь также увидел, почему они представлены в таком свете. Если назначение моих коллег Р. и Н. откладывалось по причинам, связанным с вероисповеданием, мое собственное назначение тоже находилось под вопросом; если же отказ моим друзьям был связан с другими причинами, не приложимыми ко мне, то я все же могу надеяться. Такую процедуру избрал мой сон: показал, что если Р. – простак, а Н. – преступник, а я не был ни тем ни другим, то у нас не было ничего общего и я мог радоваться представлению на должность и не тревожиться о том, что ответ министерского чиновника Н. должен распространяться и на меня.

Однако я чувствовал, что обязан продолжать толкование сновидения; я чувствовал, что еще не завершил его удовлетворительно. Меня все еще смущало легкомыслие, с которым я принизил двух своих уважаемых коллег, чтобы оставить себе открытой дорогу к профессуре. Мое недовольство собственным поведением, впрочем, уменьшилось, когда я понял, какую цену следует приписывать образам сновидения. Я был готов категорически отрицать, что действительно считаю Р. простаком, и не верил в грязное обвинение, предъявленное Н., как не верил я и в то, что Ирма опасно заболела вследствие того, что Отто сделал ей инъекцию пропила. В обоих случаях сновидения выражали *только мое желание, чтобы это было так*. Ситуация с исполнением моего желания во втором сновидении казалась менее абсурдной, чем в более раннем, действительные факты в его конструкции использовались более искусно, как при тонкой клевете того типа, которая заставляет людей считать, что «в этом что-то есть». Ведь один из профессоров на своем факультете голосовал против моего коллеги Р., а Н. по наивности дал мне материал для подозрений. Так или иначе, должен повторить, что сон, как мне казалось, нуждался в дальнейшем прояснении.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.